

ИЗ СБОРНИКА «БЛАГОРОДНЫЙ ЖУЛИК»

Персональный магнетизм

Джефф Питерс владел самыми разнообразными способами добывания денег. Их у него имелось примерно столько же, сколько в Южной Каролине рецептов блюд из риса.

Мне нравилось слушать его рассказы о тех временах, когда он был молод, торговал вразнос мазями от ревматизма и порошками от кашля, голодал и порой ставил на кон последний медяк, чтобы сыграть в кости с судьбой.

— Заявился я как-то в поселок Фишермен Хилл в Арканзасе, — рассказывал он. — Были на мне штаны из оленьей замши, мокасины, длинные волосы, а на пальце — перстень с брильянтом размером с лесной орех, который я получил от одного актера в Тексаркане в обмен на перочинный ножик.

В ту пору я звался доктором Вуф-Ху, знаменитым индейским знахарем и целителем, и в руках у меня не было ничего стоящего, кроме одного снадобья — «Воскрешающей настойки». Состояла она из трав, будто бы открытых супругой вождя племени чокто по имени

Та-ква-ла. Красавица собирала зелень, чтобы украсить традиционное блюдо, подаваемое во время праздника Кукурузы, — и наткнулась на эту траву.

В городишке, где я побывал до того, дела шли хуже некуда: у меня оставалось каких-то пять долларов. Поэтому, прибыв в Фишермен Хилл, я отправился в аптеку и взял займы сотню склянок. Этикетки и прочие припасы лежали у меня в чемодане. Я снял номер в гостинице, где имелись раковина и кран, и вскоре склянки с «Воскрешающей настойкой» начали выстраиваться передо мной на столе. Жизнь снова показалась мне вполне приемлемой.

Жульничество? Ни в коем случае, сэр. Ведь там была не только вода. Я честно добавил в нее хинина на два доллара и на десять центов безвредного красителя. Спустя много лет, когда я снова побывал в тех краях, люди досаждали мне просьбами продать им еще порцию-другую волшебного средства.

Ближе к вечеру я раздобыл тележку, выкатил ее на Мэйн-стрит и приступил к торговле. Надо вам знать, сэр, что Фишермен Хилл расположен в болотистой и крайне нездоровой местности. Оттого и настойка моя шла бойко, как сэндвичи с ветчиной на вегетарианском обеде. Я успел распродать дюжины две склянок по полдоллара за штуку, как вдруг почувствовал, что кто-то тянет меня сзади за полу.

Мне ли не знать, что это означает! Недолго думая, я сунул бумажку в пять долларов в лапу субъекту с серебряной звездой на груди.

— Шериф¹, — говорю, — чудный нынче выдался вечерок!

¹ Должностное лицо в США, выполняющее административные и отдельные судебные функции. (Здесь и далее прим. ред.)

А он в ответ:

— Имеется ли у вас патент городских властей на право продажи отравы, которую вы нахально зовете лекарством?

— Нет, разумеется, — говорю я, — так ведь я и не знал, что это город. Раз так — завтра же позабочусь о патенте.

— Ну а пока я вынужден прикрыть вашу коммерцию, — заявляет полисмен.

Я свернул торговлю, а по возвращении в гостиницу рассказал ее хозяину о том, что случилось.

— Да уж, — говорит он. — Тут у нас развернуться вам не дадут. А знаете почему? Зять мэра доктор Хэскинс — единственный врач на весь город, и мэр не допустит, чтобы какой-то самозванец отбивал у него пациентов.

— Так ведь я же не занимаюсь медициной, — говорю. — У меня разрешение от правительства штата на розничную торговлю, а когда местные власти требуют особый патент, я просто плачу за него, и все.

Наутро я отправляюсь в офис мэра, но мне говорят, что он еще не появлялся и когда появится — совершенно неизвестно. Так что доктору Вуф-Ху приходится снова вернуться в гостиницу, усесться поудобнее, раскурить сигару и ждать.

Вскоре подсаживается ко мне молодой человек приятной наружности в синем галстуке и живо интересуется, который час.

— Половина одиннадцатого, — отвечаю, — а вы — Энди Таккер. Мне известны кое-какие из ваших делишек. Например, «Универсальная посылка Купидона», которой вы пробавлялись на Юге. Дайте припомнить, что там было... Ага, кольцо для помолвки с перуанским брильянтом, обручальное кольцо, терка для картофеля,

флакон успокаивающих капель и портрет Дороти Вернон¹. Все вместе — полдоллара.

Энди был польщен. Талантливый мошенник, он относился к своему ремеслу с уважением и ограничивался тремястами процентами чистой прибыли. Ему не раз предлагали перейти на контрабанду или торговлю наркотиками, но еще никому не удавалось сбить его с толку.

Мне как раз требовался компаньон. Мы переговорили и быстро пришли к решению поработать в паре. Я поведал о положении дел в Фишермен Хилл и о трудностях в торговой политике ввиду вторжения в нее местной касторки.

Энди прибыл с утренним поездом и еще не успел толком осмотреться. Его дела тоже шли не блестяще, оттого он и намеревался начать здесь сбор пожертвований на постройку нового броненосца в городе Эврика-Спрингс, который, как хорошо всем известно, расположен в пятистах милях от ближайшего побережья. Словом, нам было о чем серьезно потолковать, и мы отправились прогуляться...

На следующий день в одиннадцать утра, когда я сидел в номере, ломая голову, как подступиться к городским властям, является ко мне какой-то чернокожий с просьбой, чтобы знаменитый индейский доктор пожаловал к судье Бэнксу — тот внезапно тяжело захворал. Заодно выясняется, что мистер Бэнкс не только судья, но и исполняет обязанности мэра.

— Я не доктор, — отвечаю я этому дядюшке Тому, — почему бы вам не позвать настоящего доктора?

— Ах, сэр, — гнет свое чернокожий, — доктор Хэскинс уехал из города за двадцать миль²... его вызвали

¹ Героиня одноименного фильма с участием Мэри Пикфорд.

² Единица длины, распространенная в США и равная 1,609 км.

к больному. Другого врача здесь нет, а судья Бэнкс плох, очень плох... Пожалуйста, не отказывайтесь, а не то не сносить мне головы.

— Как добрый христианин, я, пожалуй, готов повидаться с мистером Бэнксом, — говорю я, кладу в карман флакон «Воскрешающей настойки» и направляюсь к особняку мэра. Отличный дом: мансарда, черепичная кровля, сад и две чугунные собаки на лужайке перед входом.

Мэра Бэнкса я застаю в постели; из-под простыни торчат только растрепанные бакенбарды да пятки. При этом он издает такие звуки, что, будь это в Сан-Франциско, я бы решил, что снова началось землетрясение. У постели больного топчется молодой человек с чашкой воды в руках.

— Доктор, — лепечет мэр, — я невыносимо страдаю... Часы мои сочтены. Не могли бы вы хоть чем-нибудь облегчить мои мучения?

— Сэр, — говорю, — я не могу назвать себя верным учеником Гиппократа. Я не изучал медицину в университете и пришел просто как человек к человеку выразить сочувствие.

— Я глубоко признателен вам, — отвечает больной. — Доктор Вуф-Ху, это мой племянник, мистер Бидл... Он пытался помочь мне, но безуспешно. О Господи! А-а-а!.. — внезапно завопил он.

Кивнув мистеру Бидлу, я присаживаюсь и пытаюсь нащупать пульс больного.

— Позвольте взглянуть на ваш язык, — говорю я ему, а затем оттягиваю веко и обстоятельно исследую глазное яблоко. — Когда это началось? — спрашиваю сурово.

— Меня схватило... ох, ох... вчера вечером, — отвечает мэр. — Дайте же мне наконец чего-нибудь, доктор, спасите ближнего!

— Мистер Фидл, — говорю я, — приподнимите-ка штору на окне!

— Не Фидл, а Бидл, — поправляет меня молодой человек.

— Сэр, — говорю я, приложив ухо к спине больного и якобы прислушиваясь, — вы подхватили крайне серьезное супервоспаление клавикулы эпикордиала.

— Господи праведный! — стонет он, — нельзя ли что-нибудь втереть, вправить или вообще что-нибудь?

Я беру шляпу, разворачиваюсь и направляюсь к выходу.

— Куда же вы? — голосит мэр. — Не бросите же вы меня умирать от этих эпикордиалов?

— Только из сострадания к ближнему, — встречает этот Бидл, — вы не должны покидать больного, доктор Хуа-Хо...

— Вуф-Ху, — поправляю я, возвратившись к больному.

— Мистер Бэнкс, — говорю, — у вас остался один шанс. Лекарства уже не помогут. Но существует сила, которая стоит всех аптекарских снадобий вместе взятых, хотя ее использование обходится недешево.

— Что же это за сила? — спрашивает он.

— Пролегомены¹ науки, — отвечаю я. — Победа разума над лакрицей и сарсапариллой². Твердая вера в то, что болезни и страдания существуют только в нашем воображении, а вернее — в нашем подсознании! И я могу вам это продемонстрировать!

— О каких таких пролегоменах вы толкуете, доктор? — хрипит мэр. — Вы, случайно, не анархист?

¹ Рассуждения, формулирующие исходное понятие.

² Растения, используемые в медицине.

— Я говорю о великой доктрине психического воздействия, о самом передовом методе лечения всех болезней — от абсурда до менингита, о поразительном явлении, известном как персональный магнетизм.

— И вы, значит, способны это проделать, доктор? — спрашивает мистер Бэнкс.

— Я один из членов синедриона¹ Внутреннего Храма, — говорю я. — Хромые начинают говорить, а слепые ходить, как только я начинаю свои пассы². Я — известный медиум и гипнотизер. На сеансах в Анн-Арбор только при моем посредстве покойный председатель тамошнего акционерного общества «Лесоторговля Морли» мог возвращаться на Землю для бесед со своей сестрой Джейн. И хотя в настоящее время я продаю лекарства для бедных и не занимаюсь магнетической практикой, на то есть причина: я не желаю унижать свое высокое искусство грошовой оплатой — много ли возьмешь с бедноты!

— Возьметесь ли вы вылечить меня магнетизмом? — спрашивает мэр.

— Сэр, — говорю я, — повсюду, где мне случается бывать, я сталкиваюсь с затруднениями со стороны официальной медицины. Поэтому я не занимаюсь практикой, но ради спасения человеческой жизни... Пожалуй, я рискну, но при одном условии: вы, как мэр, не станете обращать внимания на отсутствие у меня патента.

— О чем речь! — говорит он. — Только приступайте поскорее, доктор. Я чувствую, как снова начинается приступ жестоких болей!

¹ В Древней Иудее высшее религиозное учреждение, а также высший судебный орган.

² Однообразные медленные движения руками над лицом больного при введении его в состояние гипноза.

— Мой гонорар составляет двести пятьдесят долларов, — говорю я, — излечение потребует двух сеансов.

— Отлично, — говорит мэр, — я готов заплатить. Моя жизнь стоит этих денег.

Я снова сел у изголовья кровати и принялся сверлить его взглядом.

— А сейчас, сэр, — сказал я, — постарайтесь отвлечься от вашей болезни. Вы совершенно здоровы. У вас нет ни сердца, ни суставов, ни желудка, ни печени — буквально ничего. Вы не испытываете ни малейшей боли. Признайтесь — ведь вы ошибались, считая себя больным. И вот боль, которой вы никогда не испытывали, улетучивается из вашего тела.

— Черт возьми, доктор, мне и в самом деле как будто легче, — говорит мэр. — Прошу вас — продолжайте врать, будто я здоров и у меня нет никакой опухоли в левом боку. Похоже, еще немного, и меня можно будет приподнять в постели и подавать завтрак.

Я, как сумел, сделал еще несколько магнетических пассов.

— Вот, — говорю, — воспаление пошло на убыль. И отек правой лопасти перигелия¹ заметно уменьшился... Теперь вас клонит ко сну. Ваши глаза слипаются. Течение болезни временно прервано. Спать!..

Тут мэр закатывает глаза, опускает веки и начинает храпеть.

— Обратите внимание, мистер Тидл, — говорю я, — на что способна современная наука.

— Бидл, — поправляет меня он. — Когда же состоится второй сеанс для окончательного исцеления дядюшки, доктор Ху-Пу?

¹ Ближайшая к Солнцу точка орбиты планеты.

— Вуф-Ху, — в свою очередь поправляю я. — Завтра в одиннадцать утра. Когда мистер Бэнкс проснется, дайте ему выпить восемь капель скипидара на стакан воды и два фунта¹ доброго бифштекса.

С этим я и откланялся.

На следующее утро я прибыл точно в назначенное время.

— Ну, что, мистер Ридл, — осведомился я по пути в спальню, — как себя чувствует ваш дядюшка?

— Мне кажется, ему заметно полегчало, — отвечает молодой человек.

И действительно, цвет лица и пульс у мистера Бэнкса оказались в полном порядке. Я провел второй сеанс, после которого он объявил, что боли окончательно улетучились.

— Превосходно, — говорю я, — теперь вам следует денек-другой провести в постели, и вы будете полностью здоровы. Вам повезло, что я оказался в Фишермен Холл именно в это время, так как никакие средства, применяемые официальной медициной, уже не смогли бы вас спасти. Теперь же, когда окончательно доказано, что ваша болезнь — всего лишь результат самовнушения и не больше, поговорим о более приятных вещах — например, о моем гонораре. Сразу предупреждаю: чеки я не принимаю, только наличные.

— Разумеется, — мэр извлекает из-под подушки бумажник, отсчитывает пять пятидесятидолларовых бумажек, однако продолжает держать их в руке. — Бидл, — говорит он, — возьмите у доктора расписку в получении.

Я царапаю расписку, и мэр вручает мне деньги, которые я прячу в потайной карман.

¹ Единица массы, в США равна 453 г.

— А теперь делайте свое дело, сержант, — произносит мэр, ухмыляясь, как вполне здоровый.

И мистер Бидл опускает руку мне на плечо:

— Вы арестованы, доктор Вуф-Ху, он же Джефф Питерс, — говорит он, — за незаконные занятия медициной в соответствии с законами этой страны.

— Кто вы такой? — потрясенно спрашиваю я.

— Я вам сейчас сообщу, — говорит мэр, усаживаясь на кровати без посторонней помощи. — Мистер Бидл — сыщик, работающий на Медицинское общество штата. Он шел по вашему следу в пяти округах и явился ко мне третьего дня с просьбой о помощи. Мы вместе разработали план, как взять вас с поличным. Думаю, отныне ваша шарлатанская практика в наших краях закончилась раз и навсегда, мистер проходимец. Ха! Какую бы болезнь вы ни нашли у меня, это точно не размягчение мозга!

— Вот оно что! — говорю я. — Значит, сыщик?

— Так точно, — отвечает Бидл. — И моя обязанность — без промедления сдать вас шерифу округа.

— Ну, это еще как сказать! — тут я хватаю этого Бидла за горло и едва не выбрасываю из окна.

Он, однако, выхватывает револьвер, сует ствол мне под челюсть, и мне ничего не остается, как угомониться. Затем он защелкивает на моих запястьях наручники, обыскивает меня и извлекает из моего потайного кармана только что полученные деньги.

— Свидетельствую, — заявляет он, — что это те самые банкноты, номера которых мы с вами переписали, мистер Бэнкс. Я передам их шерифу, и он немедленно пришлет вам расписку. Они будут фигурировать в суде в качестве вещественного доказательства.

— Не возражаю, мистер Бидл, — ухмыляется мэр. — А вы, доктор Вуф-Ху, почему не воспользуетесь своим

персональным магнетизмом, чтобы избавиться от наручников?

— Пошли, сержант, — говорю я, не теряя достоинства. — Делать, видно, нечего.

А уже в дверях поворачиваюсь к мистеру Бэнксу и, потрясая закованными руками перед собой, произношу:

— Что бы вы там ни говорили, сэр, а близко то время, когда вы сами убедитесь, что персональный магнетизм — огромная сила. Вы даже не представляете, насколько огромная. И она, так или иначе, победит.

Чистая, между прочим, правда, — магнетизм победил. Как только мы вышли за ворота, я говорю сыщику:

— А теперь, Энди, сними-ка с меня эти железяки, а то на нас прохожие таращатся...

Ну да, конечно, это был ни кто иной, как Энди Таккер. И весь этот спектакль был его изобретением.

Вот так мы и раздобыли денег на развитие совместного бизнеса.

Трест, который лопнул

— Н-да, всякий трест имеет слабое место... — однажды задумчиво заметил Джефф Питерс.

— Довольно бессмысленное утверждение, — отозвался я, — вроде того, как сказать: «Все полисмены носят фуражки».

— Ничего подобного, — возмутился Джефф. — Между полисменом и трестом нет никакого сходства. То, что я сказал, — это, в каком-то смысле, квинтэссенция¹. А суть ее в том, что трест хоть и похож на яйцо, но в то же время и не похож. Когда хочешь разбить яйцо, бьешь снаружи. А трест... его можно разрушить только

¹ Самое главное, важное, наиболее существенное.

изнутри. Сидишь себе мирно, а тем временем птенчик раз — и вдребезги разнесет всю скорлупу! Да, сэр, каждый трест носит в себе семена собственной гибели — как тот член республиканской партии, который решится выставить свою кандидатуру в губернаторы Техаса...

Я в шутку поинтересовался, не доводилось ли Джеффу на протяжении его пестрой, полосатой и клетчатой карьеры возглавлять предприятие, которое могло бы назваться трестом. И, к моему удивлению, он не отрекся от столь тяжкого греха.

— Только однажды, — с горечью признал он. — И еще никогда печать штата Нью-Джерси не скрепляла документ, который позволял бы более законным способом грабить ближних. Все было нам на руку — время, вода, ветер, полиция, полная монополия на ценный продукт, крайне необходимый потребителям. При этом ни один борец с монополизмом не сумел бы найти в нашей затее ни малейшего изъяна. В сравнении с ним нефтяные делишки Рокфеллера могли показаться керосиновой лавчонкой в захолустье. И все-таки мы обанкротились.

— Какие-нибудь неожиданные препятствия? — поинтересовался я.

— Нет, сэр. Все случилось именно так, как я уже сказал... Мы сами себя погубили. Чистой воды самоликвидация. Яблочко оказалось с гнильцой.

Я ведь уже рассказывал, что мы несколько лет подряд работали вместе с Энди Таккером. А он был мастер на всякие ухищрения и каждый доллар в руке у кого бы то ни было воспринимал как личное оскорбление, если не мог им завладеть. Вдобавок Энди имел образование, и полезных сведений в голове у него скопилась прорва. Он мог часами говорить на любую тему хоть с университетской кафедры. И не существовало такой аферы и мошенничества, которые он бы не испробовал.

Взять хотя бы его лекции о Палестине, которые Энди сопровождал демонстрацией снимков съезда закрыщиков в Атлантик-Сити. Или поставки в Коннектикут целого океана поддельного спирта, добытого якобы из мускатных орехов...

Словом, однажды весной нам с Энди случилось побывать в Мексике, потому что один бизнесмен из Филадельфии заплатил нам две с половиной тысячи долларов за половину акций¹ серебряного рудника в Чиуауа... Да нет, рудник-то и в самом деле существовал, с этим все было в порядке. Вторая половина акций стоила как минимум двести или триста тысяч долларов, да только я и по сей день не знаю, кому на самом деле принадлежал тот рудник.

На обратном пути, уже в Соединенных Штатах, мы с Энди застряли в одном городишке в Техасе, на берегу Рио-Гранде. Назывался он Бердстаун, то есть Птичий Город, но обитали там далеко не птицы небесные. Две тысячи душ, в основной массе мужчины. Иные из них занимались скотом, иные — резались в карты, иные барышничали лошадьми, ну а прочие подрабатывали контрабандой. Мы поселились в гостинице, которая представляла собой нечто среднее между книжным шкафом и дырявой оранжереей, и едва устроились в номере, как хлынул дождь. Словно кто-то там, наверху, отвернул все краны.

Мы с Энди люди в общем-то непьющие, но в городе было три салуна, и все его жители день-деньской и добрую половину ночи перемещались в этом заколдованном треугольнике. Так что каждый здесь хорошо знал, как распорядиться своими деньгами.

¹ Ценная бумага, дающая право на получение части прибыли акционерного общества и на участие в управлении им.

На третий день дождь как будто начал стихать, и мы с Энди выбрались за город полюбоваться природой. Бердстаун лежит между Рио-Гранде и широкой ложбиной, по которой раньше протекала река. И теперь, когда река вздулась от дождей и, казалось, вот-вот выйдет из берегов, дамба, отделявшая ее от старого русла, держалась на честном слове.

Энди долго разглядывал эту дамбу. Все-таки у этого человека был живой ум. А потом, не сходя с того места, он выдал гениальную идею. Тут-то мы и основали трест, а потом вернулись в город и взялись за дело.

Для начала мы отправились в самый просторный салун, который назывался «Блю Снейк», и купили его с потрохами. Это обошлось нам в тысячу двести долларов. Потом заглянули в бар мексиканца Джо, потолковали о погоде и приобрели его за пятьсот. Третий нам уступили всего за четыреста.

Продрав глаза на следующее утро, Бердстаун обнаружил, что превратился в остров. Рио-Гранде сокрушила дамбу и ринулась в старое русло, город был со всех сторон окружен ревущими потоками воды. А дождь лил без передышки; на северо-западе висели тяжелые тучи, обещавшие, что в ближайшие две недели погода не переменится. Но не это было главной бедой.

Бердстаун выпорхнул из гнезда, почистил перышки и попрыгал за утренней выпивкой. Однако бар мексиканца оказался закрытым, второй — тоже. Тут из всех глоток вырвался неистовый крик изумления и жажды, и горожане толпой кинулись в «Блю Снейк».

И что же перед ними предстало?

За стойкой восседает Джефф Питерс, с виду — прожженный спрут-эксплуататор, справа от него кольт и слева кольт, и он в любую минуту готов дать сдачи либо монетой, либо пулей. В заведении орудуют три

бармена, а на стене плакат в десять футов: «Каждая выпивка — доллар». Энди сидит на кассе, на нем шикарный костюм, в зубах сигара, вид у него настороженный. Тут же околачивается начальник городской полиции с двумя полисменами: трест посулил всем стражам порядка бесплатную выпивку.

Итак, сэр, не прошло и четверти часа, как Бердстаун сообразил — ловушка захлопнулась. Мы ожидали бунта, но как-то все обошлось. Горожане знали: деваться им некуда. До ближайшей железнодорожной станции тридцать миль, а вода в реке спадет не раньше чем недели через две, и до той поры о переправе можно только мечтать. Нет, они, конечно, выругались, но вполне учтиво, а потом на стойку посыпались серебряные доллары, да так бойко, будто кто играл на ксилофоне.

В Бердстауне было полторы тысячи взрослых мужчин, способных распорядиться собой; чтобы не помереть от тоски и безделья, большинству из них требовалось от трех до двенадцати стаканов в день. А салун «Блю Снейк» оставался единственным местом, где они могли их получить. Красиво и просто, как всякая великая идея.

К десяти утра бурный поток долларов, устремившийся в кассу, немного обмелел. Но, выйдя на крыльцо, я обнаружил, что не меньше двух сотен наших клиентов выстроились в хвост перед отделением банка и ссудной кассой. Ясное дело — они хлопчут о новой порции долларов, которые высосет из них наш спрут, или трест, называйте как угодно.

В полдень все разошлись по домам обедать, как и подобает порядочным людям. Воспользовавшись затишьем, мы отпустили барменов перекусить, а сами уселись считать выручку. За это утро мы заработали тысячу триста долларов. И если Бердстаун останется

в осаде еще две недели, у нас будет достаточно средств, чтобы подарить ферму каждому добродетельному бедняку в Техасе, если участок земли он оплатит сам.

Энди прямо раздулся от гордости — ведь план-то принадлежал ему. Он слез с несгораемой кассы, раскурил самую длинную сигару, какая только нашлась в салуне, и сказал:

— Джефф, я думаю, что во всем мире не найти кровопийц-эксплуататоров, столь изобретательных по части угнетения трудящихся контрабандистов, как торговый дом «Питерс, Таккер и Сатана». Мы просто нокаутировали нашего потребителя. Разве не так?

— Так, — говорю я. — Вот и выходит, что придется нам заняться гольфом или заказать себе шотландские юбочки и отправиться на лисью охоту с гончими. Похоже, фокус с выпивкой удался. И это мне по душе.

Тут Энди наливает себе стаканчик ячменного и отправляет его по назначению. Это была его первая выпивка за все время, что мы с ним работали в паре.

— Вроде как возлияние богам, — говорит он.

Отдав должное идолам коммерции, он опрокинул еще стаканчик — за успех нашего предприятия. А дальше пошло-поехало. Он пил за всю мировую промышленность, начиная от Тихоокеанской железной дороги и кончая всякой мелочью вроде маргаринового концерна, синдиката полиграфистов и федерации шотландских горняков.

— Притормози, Энди, — говорю я ему, — это, конечно, похвально, что ты пьешь за здоровье родственных нам монополий, но смотри, парень, не увлекайся тостами. Ты ведь в курсе, что самые знаменитые и самые ненавидимые миром олигархи и миллиардеры не вкушают ничего крепче жидкого чая с сухариками.

Энди удалился за перегородку, вынырнул оттуда в парадном костюме и снова взялся за виски. Во взгляде у него появилось что-то возвышенное — я бы сказал, горделивый вызов. Ох, и не понравился мне этот взгляд! Я всматривался в Энди с тревогой: как знать, какую штуку выкинет с ним виски? На свете есть две вещи, которые неизвестно чем кончаются: когда мужчина выпьет в первый раз и когда женщина выпьет в последний.

Так он продолжал в течение часа. Нет, снаружи-то он выглядел вполне благопристойно и даже умудрялся сохранять равновесие, но внутри был битком набит сплошными сюрпризами.

— Джефф, — наконец заявляет он мне, — ты знаешь, кто я такой? Я в-в-вулканический кратер, только ж-живой.

— Это, — говорю мрачно, — даже не требует доказательств.

— Да-да, и притом огнедышащий. Из меня так и пышет жар земных недр, а внутри клокочут слова и рвутся наружу. Мириады частей речи буквально рвут меня на части, и я не уймусь, пока не произнесу какую-нибудь историческую речь. Когда я выпью, — добавляет Энди, — меня всегда влечет благородное искусство риторики.

— Хуже не придумаешь, — говорю я, — последнее дело.

— С раннего детства, — гнет свое Энди, — алкоголь пробуждал во мне страсть к декламации. Да что там детство: во время второй избирательной кампании Билли Брайана мне наливали три порции джина и я, бывало, взбирался на трибуну и толковал о денежной реформе на два часа дольше самого кандидата.

— Если тебе приспичило, — говорю я, — ступай к реке и говори, сколько угодно. Помнится, в Древней Греции уже был один такой старый болтун¹, не помню, как его звали, который таскался на берег моря и там надрывал глотку.

— Не годится, — говорит Энди, — мне требуется публика. Я должен собрать аудиторию и унять перед ней свой ораторский позыв, иначе я буду чувствовать себя собранием сочинений в переплете с золотым обрезом, которое годами торчит на пыльной полке.

— А на какую тему ты бы хотел поупражняться? — спрашиваю я. — Есть у тебя хотя бы тезисы?

— Тема? — говорит Энди. — Это совершенно безразлично. Я разбираюсь практически во всем. Могу говорить о русской иммиграции, о поэзии Китса, о новых тарифах, о кабийской литературе или о водосточных трубах, и будь уверен: мои слушатели будут то обливаться слезами, то хохотать.

— Ну что ж, Энди, — говорю я ему, — если уж совсем невтерпеж, ступай и выплесни избыток своей образованности на голову какому-нибудь несчастному обывателю. Мы тут и сами управимся. Горожане скоро покончат с обедом, а солонина с бобами, как известно, вызывает жажду. К полуночи у нас будет еще тысячи полторы.

На этом Энди выходит из салуна «Блю Снейк». Краем глаза я замечаю, что он останавливается на улице каких-то прохожих и вступает с ними в беседу. Не прошло и десяти минут, как вокруг него уже собралась кучка людей, а вскоре я вижу, что он стоит на углу, воодушевленно говорит и размахивает руками, а перед ним уже внушительная толпа.

¹ Имеется в виду Демосфен, один из знаменитейших ораторов античности.

Потом он повернулся и зашагал, продолжая говорить на ходу. И он повел эту толпу по главной улице, и по дороге к ним приставали все новые и новые прохожие. Больше всего это было похоже на тот старый фокус, когда один парень все упражнялся в игре на дудке и доупражнялся до того, что увел за собой всех детей¹, какие нашлись в том городе.

Прошел час, потом два и три, а ни одна пташка так и не залетела в наш салун. На улицах пусто, бродят мокрые куры, да изредка женщина пробежит в лавчонку. А между тем дождик начинает утихать.

Наконец какой-то мужчина останавливается у нашего крыльца, чтобы соскрести грязь с сапог.

— Что происходит, мистер? — говорю я ему. — Не далее как сегодня утром здесь царило безумное веселье, а теперь Бердстаун смахивает на руины Вавилона, где по камням ползает одинокая ящерица.

— Весь город, — отвечает он, — собрался у Сперри на складе шерсти и слушает речь вашего дружка. Умеет парень потолковать насчет всяких там высоких материй.

— Вон оно как, — говорю. — Ну, надеюсь, что он все-таки рано или поздно сделает передышку, потому как от этого страдает бизнес.

А между тем до самого вечера к нам не заглянула ни одна собака. В половине седьмого два мексиканца привезли Энди: он возлежал поперек спины их осла и был пьян, как затычка от бочки с виски. Мы едва уложили его в постель, а он все еще бормотал, отбивался и жестикулировал.

¹ Имеется в виду легенда о Гамельнском Крысолове. Согласно ей, музыкант, которому власти Гамельна отказались выплатить вознаграждение за избавление от крыс, с помощью колдовства увел за собой всех детей города и погубил их.

Я запер кассу и отправился выяснять, как было дело. Вскоре навстречу мне попался человек, который и выложил мне всю историю. Оказывается, Энди проговорил два с лишком часа без остановки. Он произнес лучшую речь, какую, если верить этому человеку, когда-либо слышали не только в Техасе, но и во всей вселенной.

— И о чем же он говорил? — уже догадываясь и холодея от ужаса, спросил я.

— О вреде пьянства, само собой, — ответил тот. — И когда он закончил, все жители Бердстауна подписали бумагу, что в течение года не возьмут в рот ни капли спиртного...

Деревенские забавы

Всякий раз, когда просишь Джеффа Питерса рассказать о каком-нибудь из его приключений, он начинает уверять, что его жизнь монотонна и бедна событиями. Но, если незаметно подбросить ему крючок, он обязательно попадается. Поэтому я использую несколько разных наживок, чтобы мой приятель надежно клюнул.

— Сдается мне, — заметил я однажды, — что среди фермеров Запада, при всей их зажиточности, снова намечилось движение в пользу национализации железных дорог.

— Видно, такой сезон, — сказал Джефф, — всюду жизнь. Фермеры куда-то движутся, сельдь и треска сбиваются в несметные косяки, из сосен сочится смола, а на реке Конемо вскрылся лед. Однажды я вообразил, что обнаружил фермера, который хоть немного не похож на своих собратьев. Но Энди Таккер в два счета доказал мне, что я ошибаюсь. «Фермером родился — фермером-простофилей и помрешь, — сказал Энди. —

Фермер — это человек, выбившийся в люди вопреки всяким политическим баламутам, котировкам¹ и баллотировкам². И я понятия не имею, кого бы мы стали надувать, если бы не фермеры».

Однажды просыпаемся мы с Энди поутру, а у нас в кармане всего шестьдесят восемь центов. Дело было в гостинице, в Южной Индиане. Уж как там мы накануне спрыгнули с поезда, я и описывать не берусь. Страшное дело — он несся так быстро, что из окна вагона нам чудилось, будто мы видим салун, а когда пришли в себя, то обнаружилось, что это разные вещи в двух кварталах одна от другой: аптека и цистерна с водой.

Зачем нам понадобилось прыгать на полном ходу? Ну, тут были замешаны часики из поддельного золота и партия брильянтов из Аляски, от которых нам не удалось отделаться по ту сторону границы штата.

Значит, проснулся я и слышу — где-то кричат петухи, а в воздухе пахнет чем-то вроде смеси азотной и соляной кислот. Тут что-то увесистое шмякнулось об пол в нижнем этаже, и послышалась ругань.

— Эй, Энди, — говорю я, — ну-ка веселее! Мы же в деревне. Там, внизу, кто-то швырнул для пробы слитком чистого фальшивого золота. Идем и получим с фермера то, что нам причитается по всем правилам. Кинем его слегка — и привет.

Фермеры всегда служили мне чем-то вроде резервного фонда. Чуть дела пошатнутся, я отправляюсь на ближайший перекресток, цепляю фермера на ходу за подтяжку, выкладываю ему свои предложения, бегло осматриваю его имущество, возвращаю ключ, брусок для точки косы и бумаги, имеющие цену для него одного,

¹ Цена товара, объявляемая продавцом или покупателем.

² Решение чего-либо голосованием.

и удаляюсь восвояси. Конечно, фермеры как дичь для нас были мелковаты, обычно мы занимались делами посерьезнее, но порой и они пригождались, как акулам с Уолл-стрита бывает на пользу министр финансов.

Спустившись вниз, мы обнаружили, что находимся в самой натуральной земледельческой округе. В двух милях на горке торчал в тени деревьев большой белый дом, а вокруг него толпились флигели, амбары, коровники, выгоны и прочее.

— Чья это усадьба? — спросили мы у хозяина гостиницы.

— Это, — отвечает он, — резиденция, а также лесные, земельные, садовые и луговые угодья мистера Эзры Планкетта, одного из самых уважаемых граждан.

После завтрака мы с Энди, оставшись с восемью центами наличных, принялись составлять гороскоп этого латифундиста.

— Я пойду к нему один, — наконец объявил я. — Мы вдвоем против одного фермера — это неспортивно. Все равно что стрелять по кроликам картечью.

— Ладно, — согласился Энди. — Я тоже люблю честную игру — даже когда играю с огородниками. Так на какую приманку ты собираешься изловить этого Планкетта?

— Никакой разницы, — говорю я. — Сойдет любая. Я, пожалуй, прихватчу с собой квитанции, подтверждающие уплату подоходного налога, рецепт для приготовления клеверного меда из творога и яблочной кожуры и бланки заказов на носилки Мак-Горни, которые потом оказываются косилкой Мак-Кормика. Да еще карманный слиток золота и жемчужное ожерелье — то самое, что мы с тобой нашли в вагоне, и...

— Этого хватит, — говорит Энди. — Но будь внимателен, Джефф, чтобы этот кукурузник не всучил тебе

грязные и мятые купюры. Просто позор для департамента земледелия и министерства финансов — какими только паскудными бумажками расплачиваются некоторые фермеры.

Иду я на городскую конюшню и арендную двуколку, благо платы вперед с меня не берут ввиду приличной наружности. Подкатываю к ферме, привязываю лошадь. Вижу — на ступенях крыльца сидит какой-то фатоватый субъект в белоснежном костюме, розовом галстуке, с перстнем на пальце и в спортивной кепчонке. «Должно быть, приезжий», — думаю про себя. Спрашиваю:

— Как бы мне повидать мистера Эзу Планкетта?

— Вот он перед вами, — отвечает этот тип. — А вам чего?

Я молчу. Стою столбом и повторяю про себя куплеты из водевиля о деревне, там еще говорится о «человеке с лопатой». Вот это, значит, он и есть. А когда я присмотрелся к этому фермеру в розовом галстуке, то окончательно понял, что выбить из него монету с помощью тех пустячков, что я прихватил с собой, все равно что пытаться разнести вдребезги сейф Первого Национального банка при помощи рождественской хлопушки.

Он смерил меня взглядом и говорит:

— Ну, рассказывайте, с чем прибыли. Вижу: левый карман вашего пиджака чересчур оттопырен. Там ведь золотой слиток, верно? Давайте его сюда, мне как раз нужны кирпичи. Предупреждаю — байки о затерянных серебряных рудниках меня не интересуют.

Чувствуя себя безмозглым дураком, я все-таки вытащил из кармана свой слиток, тщательно завернутый в платок. Он взвесил его на ладони, пожевал губу и говорит:

— Доллар восемьдесят центов. Устроит?

— Свинец, из которого сделано это золото, и тот стоит дороже, — стараясь не терять достоинства, я вернул слиток на место.

— Как будет угодно. Я хотел купить его для коллекции, которую начал составлять, — говорит фермер. — На прошлой неделе я уже приобрел отличный экземпляр. Просили за него пять тысяч долларов, а уступили за два доллара и десять центов.

Тут в доме зазвонил телефон.

— Да вы проходите, — говорит фермер. — Посмотрите, как я тут устроился. Иногда мне бывает скучно в одиночестве. Это, надо полагать, из Нью-Йорка беспокоят.

Ну, мы вошли. Мебель в комнате, как у биржевика с Уолл-стрит, дубовые конторки, два телефона, кресла и кушетки, обитые испанским сафьяном, картины маслом в позолоченных рамах, в углу — телеграф отстукивает котировки.

— Хэлло-оу! — кричит фермер. — Риджент-тиэтр? Это Планкетт из имения «Сентрал Хонисакл». Забронируйте за мной четыре кресла в первом ряду — пятница, вечерний спектакль. Да-да, те, что обычно. Всего наилучшего!

— Каждые две недели мотаюсь в Нью-Йорк провериться, — поясняет фермер, вешая трубку. — Сажусь в Индианаполисе в вечерний экспресс, провожу десять часов на Бродвее и возвращаюсь домой через сорок восемь часов.

И то сказать: первобытный фермер пещерного периода малость приделся и пообтесался за последние годы. Вы не согласны?

Только я открыл было рот, чтобы прокомментировать некоторые отступления от старых добрых аграрных традиций, как снова затрезвонил телефон.